

0298

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

HARLEQUIN[®]

Маргарет Уэй

**САМАЯ
НАСТОЯЩАЯ**

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Маргарет Уэй

Самая настоящая

«Центрполиграф»

2010

Уэй М.

Самая настоящая / М. Уэй — «Центрполиграф»,
2010 — (Любовный роман – Harlequin)

Когда неизменно чопорная и сдержанная Оливия Бэлфор вдруг становится причиной громкого скандала, отец-миллиардер отправляет ее из родной Англии в далекую Австралию к своему деловому партнеру Клинту Мак-Элпайну. Тот понимает, что за маской неприступности и холодности кроется нежное, но горячее сердце. И очень надеется, что его внимание и жаркое тропическое солнце помогут снежной королеве оттаять и найти себя.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Маргарет Уэй

Самая Настоящая

Роман

Пролог

«Непростая задачка! Но и она мне по силам, ведь я же Бэлфор!» Оливия вела внутренний монолог по давней привычке, сложившейся, наверное, еще когда ей было всего лет семь и она отчаянно пыталась завоевать расположение отца. Отсутствие должного внимания взрослых в те времена не помешало ей вырасти девушкой сильной и смелой. Однако за последние дни уверенности в себе сильно поубавилось, хотя Оливия никогда бы никому в этом не призналась. Она панически боялась отправляться в незнакомую страну. Ведь там определенно ей будет еще тоскливее, чем сейчас, если это вообще возможно.

Оливия твердо придерживалась определенных – и весьма строгих – норм поведения: всегда выполняла свои обещания, была спокойна и сдержанна в любых обстоятельствах, всегда знала, как следует поступать, и никогда не теряла веры в себя. Эта вера была ее путеводной звездой по жизни, но вот теперь все изменилось.

– Господь всемогущий, Оливия! – Отец, британский миллиардер Оскар Бэлфор, пронзил ее стальным взглядом голубых глаз. – Как ты могла! Кто бы мог подумать, что именно ты так подведешь меня!

После всего, что было пережито и пройдено, после стольких лет, потраченных в бесконечных стараниях угодить, слышать такое от отца было больно.

Непоправимое случилось на ежегодном благотворительном балу, который ее семья устраивала вот уже столетие подряд. Считалось, что это мероприятие стоит на одном уровне с королевским приемом, хотя сама Оливия предпочла бы королевский прием, но, конечно, благоразумно об этом молчала. Разумеется, в любом случае юбилейный – сотый – бал был не самым подходящим местом для внутрисемейных разборок, которые в тот судьбоносный вечер устроили Оливия и ее сестра-близнец Белла.

– Да пошла ты! – воскликнула тогда Белла в пылу ссоры и отвесила Оливии звонкую пощечину.

Повисшая тишина говорила громче всяких слов. Никогда в жизни до этого они не поднимали друг на друга руку, то было ужасающее нарушение как общепринятого этикета, так и установившихся в семье правил. Одно лишь могло служить оправданием, если вообще допустимо было оправдание столь вопиющего проступка: девушки волновались за младшую сестренку, Зою.

Итак, великолепный бал, все в вечерних нарядах, шикарные платья, фамильные драгоценности. Оливия, старшая из сестер Бэлфор, самая рассудительная и практичная, и Белла – блестящая, страстная, стремящаяся выделяться и потому предпочитающая в одежде авангард классике. При этом, пожалуй, самая добросердечная. Оливия всегда склонна была опекать свою сестру-близнеца. По мнению старшей Бэлфор, в отличие от ее самой, Белла, несмотря на всю свою красоту, более поверхностна и не столь умна. Она не читала книг, не интересовалась искусством и так и не окончила университет. Вкусы сестер были диаметрально противоположными. Белла выставляла свою красоту напоказ, в то время как Оливия никак не подчеркивала свою. Белла больше походила на их покойную мать, у нее были голубые глаза – фамильная черта Бэлфоров. В свою очередь, Оливия, по признанию самой же Беллы, обладала большим чувством ответственности. У старшей сестры никогда не было ощущения свободы,

присущего младшей. Главным стремлением Беллы было развлекаться, в то время как Оливия, будучи всего на пару минут старше сестры, стала хозяйкой дома, вела всю благотворительную работу и к тому же, по сути, заменила мать Белле и Зои, а также всегда при необходимости помогала остальным – сводным – сестрам. Белла же в это время порхала с вечеринки на вечеринку, сопровождаемая толпами постоянно сменяющих друг друга поклонников. И, несмотря на все несходство характеров и интересов, конфликт на юбилейном балу был первой настоящей ссорой двух сестер. Они искренне любили друг друга и Зою.

И вот выясняется, что Зою не имеет отношения к Оскару Бэлфору, потому что является плодом внебрачной связи их матери. Матери, которую девушки всегда почитали чуть ли не святой. Теперь же оказывается, что Зою – незаконнорожденный ребенок. Сказать ли ей об этом – вот о чем разгорелся спор в тот достопамятный вечер.

Само собой, никто не собирался выносить сор из избы: девушки укрылись в одной из отдаленных комнат, но, как выяснилось, укрылись не слишком хорошо. Дверь оказалась приоткрытой – достаточно для того, чтобы очутившийся рядом журналист подслушал разговор, и на следующее же утро передовицу ведущего новостного издания страны украшал заголовок «Громкий скандал в семействе Бэлфор!», сопровождающийся красочной фотографией старших Бэлфор в самый разгар ссоры.

Сказать, что Оливию терзали муки совести, значит не сказать ничего. Тысячу раз в день она жалела, что нельзя повернуть время вспять, и ощущала почти физическую боль от того позора, который навлекла на семью их с Беллой несдержанность.

Неудивительно, что Оскар Бэлфор решил отослать подальше с места событий всех своих восемь дочерей от трех браков и побочных связей. Также он дал каждой задание поработать над собой и развить одну из восьми черт характера. Белле предстояло воспитать в себе чувство собственного достоинства, а Оливии – покорность. Тогда ее очень задело это: она искренне не понимала, что отец имеет в виду, а тот не пожалел времени и постарался объяснить свою позицию.

Теперь же Оливия чувствовала, что если и не разделяет, то хотя бы понимает точку зрения отца. Она узнала, какой видели ее все вокруг: холодной, невозмутимой, надменной, самой недоступной из сестер Бэлфор. Ее порой даже называли ханжой и снобом. Все это было неправдой, за исключением, пожалуй, холодности. Будучи очень замкнутым человеком, Оливия ревностно оберегала свое личное пространство. Но если разобраться, все это было на самом деле защитным механизмом. И для нее, и для Беллы ранняя потеря матери стала тяжелым ударом. Они оказались лишены материнской любви и опеки, едва научившись самостоятельно выбираться из кроваток.

Тем не менее, в конце концов, обе сестры согласились с планом отца, хотя могли отказаться, и Оливия всерьез над этим подумывала. Озвучивая свой «приговор», британский миллиардер был весьма категоричен и в заключение назидательно изрек:

– Это послужит вам хорошим уроком, чтобы вы никогда больше не позорили наше имя!

Правда, от Оливии не укрылось, что отец умолчал о своей роли в разразившемся скандале, словно сам был вовсе ни при чем. Получается, весь удар принимали на себя сестры.

– Значит, придется отбывать наказание. Займемся самосовершенствованием, – рассуждала Белла, облаченная в шикарное ярко-желтое кимоно, на котором красовались вышитые хризантемы и диковинные птицы.

– Наказание? Лично я предпочитаю считать это очередной сложной задачей, которую предстоит решить, – откликнулась Оливия.

Сложная – это еще мягко сказано.

– Боже правый, папа! Только не Австралия! – Старшая Бэлфор живо представила себе огромный остров где-то по соседству с Южным полюсом. Туда вроде бы осужденных отсылали отбывать срок.

– Только Австралия. – Голубые глаза смотрели в упор. – И будешь работать столько, сколько потребуется, не покладая рук. Голова у тебя светлая, деловая хватка Бэлфоров имеется.

По мнению Оливии, никакая хватка не поможет сработаться с мужчиной, пары минут знакомства с которым хватило, чтобы вызвать в ней стойкое неприятие этого человека. Клинт Мак-Элпайн был единственным после Беллы, кто посмел прямо в лицо Оливии заявить, что с нее неплохо было бы сбить спесь.

– Вам бы, Снежная королева, не помешало иногда выбираться из своего ледяного дворца и вращаться среди нас, простых смертных. Гарантирую, это пойдет вам на пользу. – Усмешка искривила его красивый рот.

Оливия поморщилась, вспоминая их встречу. Состояние в миллиард долларов не давало ему права поучать ее! Но по какой-то неведомой причине образ богача, возглавлявшего крупнейшую животноводческую империю Австралии, накрепко запечатлелся в памяти.

Их связывали очень далекие родственные отношения по линии отца (они и познакомились-то на свадьбе одного из родственников), а также тот факт, что Оскар Бэлфор владел внушительным пакетом акций компании «Мак-Элпайн пэсторел». Это, судя по всему, и дало толчок решению отослать Оливию к Мак-Элпайну, которому Оскар доверял, как когда-то доверял его отцу, происходившему из известного английского рода.

И вот теперь, два дня спустя после разразившейся катастрофы, Оливия оказалась лицом к лицу с новым испытанием, которое ожидало ее где-то на краю земли, в Австралии.

Глава 1

Высокое положение в обществе давало Оливии возможность путешествовать много и с большим комфортом, однако она всегда плохо переносила дорогу. Путь в Австралию же стал, пожалуй, самым грандиозным и изматывающим из ее перелетов. Сначала следовало добраться из Лондона в Сингапур, что подразумевало почти пятнадцать часов пытки клаустрофобией на борту самолета. В Сингапуре Оливия решила остановиться на ночь, чтобы собраться с силами и духом для дальнейшего броска. Заселилась она, разумеется, в «Раффлз» – самый знаменитый отель города.

На следующий день, разглядывая через иллюминатор очередного самолета бирюзовую поверхность Тиморского моря, Оливия размышляла над превратностями судьбы: после Лондона и величайших столиц мира ей предстояло обосноваться в какой-то дыре. Конечно, девушке и раньше доводилось бывать в теплых краях: отцу принадлежал прекрасный остров в Карибском море. Однако что-то подсказывало ей, что в Австралии все по-другому. «Определенно, мне предстоят во всех смыслах жаркие деньки, мне, кого на родине величают «прекраснейшей из английских роз». И не надо быть специалистом в ботанике, чтобы понимать: жара для розы губительна! Мрачные думы не отпускали дочку миллиардера. Утешало одно: через пять месяцев предстояло вернуться в Лондон на празднование дня рождения отца.

Оливия сделала свой выбор – повиновалась воле отца. Всю свою сознательную жизнь она только и делала, что повиновалась его воле, изо всех сил стараясь соответствовать его ожиданиям. А красавица Белла в это время порхала по жизни, напропалую разбивая сердца поклонников. Она утверждала, что только так можно переносить «невыносимую унылость этой жизни».

У Оливии же никогда не было столько ухажеров. Она вообще уже начинала считать себя не «прекраснейшей из английских роз», а «старейшей из английских дев». Она читала исключительно серьезную литературу и одевалась, по словам Беллы, будто была на десять лет старше, чем на самом деле. И все потому, что отец всегда предъявлял к ней завышенные требования – с самого детства. Пропуская замечания Беллы мимо ушей, Оливия привыкла считать, что выглядит безупречно, но теперь стала подозревать, что, пожалуй, в вопросах внешности и стиля и правда чересчур консервативна для своих двадцати восьми лет.

С ума сойти. Уже двадцать восемь лет! И всего лишь два неудавшихся романа за плечами, да и темто поклонникам нужны были лишь деньги и связи отца, а не сама Оливия. С Беллой все обстояло иначе: Беллой мужчины интересовались по-настоящему, в результате чего у той была уже масса романов и бесчисленное количество предложений руки и сердца. Потому что, в отличие от Оливии, младшая из близнецов была сексуальной, дерзкой, бойкой авантюристкой. По сравнению с ней Оливия представала скромной монашкой. Глубокое декольте? Что вы, боже упаси! Да, определенно, она скучна и уныла, и мысль эта была по самолюбию, вернее, по тому, что от него осталось.

И как она собирается выжить в этой ужасно жаркой и примитивной Австралии, в городе Дарвине, столице Северной территории – третьего по величине и полудикого района страны? Да и какая же это столица, так, одно название. С присущей ей дотошностью Оливия заранее навела справки о месте, где ей предстояло жить.

О будущем работодателе наводить справки не требовалось. Девушка прекрасно помнила его: жесткий, агрессивный, стопроцентный мужчина, женщины таких обожают. Он просто излучал какую-то дикую силу и энергию. Мак-Элпайн удивительным образом совмещал в себе две ипостаси: грубого фермера с острым языком и уважаемого в деловых кругах главу «Мак-Элпайн пэсторел». Оскар Бэлфор не стал бы вкладывать деньги в ненадежный бизнес с некомпетентным руководством.

Оливия испытывала к отцу смешанные чувства. Он никогда не был добрым, заботливым папочкой, о котором мечтали старшие сестры Бэлфор. На первом месте для Оскара всегда был бизнес, погоня за еще большими деньгами и властью не прекращалась. Девочки практически не видели родителя. В этом смысле они остались почти сиротами, когда умерла мать.

Старшая Бэлфор подозревала, что и Клинт Мак-Элпайн является представителем той же породы дельцов. Она слышала, что австралийский миллиардер был женат на местной наследнице одного состоятельного рода и что дело кончилось разводом. И Оливию это совсем не удивляло: вероятнее всего, красавец дурно обращался со своей женой, да еще, пожалуй, и изменял ей. Помнится, у них даже была дочь, но наверняка после развода она осталась с матерью. Еще бы, какому олигарху интересно будет вникать в проблемы маленькой девочки. Взять хотя бы их с Беллой отца – никогда он не баловал дочерей вниманием и лаской.

При этом Мак-Элпайн был мужчиной очень привлекательным. Оливия признавала это, но была уверена, что никогда не попадет под влияние его чар. Ей больше импонировали мужчины другого типа – с английскими изысканными манерами и утонченным стилем. Да и в любом случае она, похоже, не способна на какие-либо долгосрочные отношения с противоположным полом. В одном Оливия была уверена наверняка: Клинт Мак-Элпайн может не рассчитывать на доверие и симпатию с ее стороны. Уж она сможет поставить его на место. Ну и удержать там тоже. В конце концов, она носит фамилию Бэлфор! Да, сама подпортила себе репутацию, но в то же время способна признавать свои ошибки. Задача поставлена: вернуть утраченное самоуважение и научиться сострадать, мыслить более широко и спокойно воспринимать критику и советы.

Но только не от Мак-Элпайна.

Выйдя из здания международного аэропорта Дарвина, Оливия с удивлением огляделась. И это курортный город? В мае могло бы быть и попрохладней. Раскаленный влажный воздух временами разбавлялся освежающим бризом, налетающим со стороны гавани. Тут и там красовались кустарники с огненно-алыми цветами и кокосовые пальмы. Интересно, часто ли кокосы сваливаются на голову прохожим? И на кого подавать в суд жертвам кокосовых пальм?... Буйная южная растительность наполняла воздух необычными ароматами. Небо сияло небывалой голубизной, и вообще все краски здесь были непривычно яркими для Оливии – жительницы Северного полушария. Что уж говорить о солнце: потоками расплавленного золота оно изливало свет такой интенсивности, что не спасали даже черные очки.

Никогда в жизни Оливии не приходилось видеть одновременно столько полуодетых, а вернее, полураздетых людей. И столько чрезвычайно симпатичных девушек, женщин и детишек. Оттенки смуглой кожи варьировались от тонов расплавленного меда до кофе с молоком и шоколада. И все представительницы прекрасного пола были стройными и миниатюрными. Даже Белле пришлось бы потрудиться, чтобы не потускнеть на фоне таких конкуренток. А Оливия почувствовала себя и вовсе блеклой жирафой. Но никогда бы она не смогла надеть что-либо столь откровенное, как цветастый топ, который справедливее было бы именовать бюстгальтером, и малюсенькие шортики – самый распространенный наряд местных девушек. Не то чтобы у Оливии были какие-то проблемы с фигурой. Но все же в дорогу она надела узкую юбку, шелковую кремовую блузку и льняной пиджак от Армани. Оливия понимала, что на фоне остальных выглядит белой вороной. Набор шикарных дорожных сумок Луи Вуиттон тоже не помогал слиться с толпой.

«Определенно, мне здесь не место. Как жарко! И как они все громко разговаривают!» – размышляла Оливия, чей голос на родине сравнивали со звоном бьющегося стекла. Все здесь для нее было слишком: и манера одеваться, и разговаривать во весь голос, и цвета окружающего мира, и солнечный свет, и жара. Казалось, она сейчас попросту расплавится.

– Милая моя, с тобой все в порядке? – Сквозь толпу к ней направлялась пухленькая симпатичная смуглянка лет тридцати, в свободном пестром платье, расписанном гибискусами, и резиновых шлепанцах.

Наметанный глаз Оливии определил, что женщина в своем роде влиятельная. Она держалась уверенно и смотрела на путешественницу с искренним участием. Абсолютно чужой человек, незнакомка как-то сразу расположила девушку к себе, что случалось крайне редко.

– Да, спасибо, все хорошо, – вежливо откликнулась она.

– Похоже, что не все, дорогуша. – Подошедшая пристально разглядывала англичанку. – Ты такая бледная, и твое милое личико все в испарине. Давай-ка, радость моя, присядем на минутку. – Она огляделась и продолжила: – После долгого пути, да? И точно из замшелой старушки Англии, по акценту сразу понятно! Да ты не обижайся, мой прадед тоже оттуда, занимался тут промыслом жемчуга. Идем-идем! – Она заботливо подхватила полуживую Оливию под руку. – Не хватало еще тебе грохнуть тут в обморок.

– В жизни в обморок не падала. – Она вяло улыбнулась, но послушно пошла с незнакомкой.

– Все когда-то случается в первый раз, дорогая. – Женщина усадила ее на скамейку и пристроилась рядом.

– Не правда ли, сегодня очень жарко? – Не желая показаться невежливой, Оливия пыталась поддерживать светскую беседу.

– Жарко? Да что ты, для нас это прохлада. Тебе еще повезло, что дожди кончились. Ну, рассказывай, каким ветром тебя сюда занесло? На туристку ты не похожа, слишком напуганная.

– Напуганная? – растерянно переспросила Оливия, чувствуя, как ее покидают остатки былой уверенности в себе.

– Да, что-то в тебе такое... – Незнакомка пристально посмотрела в голубые глаза собеседницы. – Рана на душе. Случилось что-то, чего ты не ожидала, да? Но не волнуйся, здесь рана твоя зарубцуется. И ты засияешь своим истинным светом. Сейчас ты словно птичка, рвущаяся из клетки на волю. – Голос женщины убаюкивал. – Бьешься о прутья, хлопая крылышками. Но чтобы освободиться, тебе потребуется вся твоя воля.

– Может, мне просто не хочется улететь одной, – произнесла Оливия неожиданно для самой себя.

– Выход близко.

«Да уж, никак не ожидала столкнуться с местной ясновидящей», – подумала Оливия, а вслух сказала:

– Меня должен встретить мистер Клинт Мак-Элпайн. Я буду у него работать.

– Клинт взял тебя на работу? – Настала очередь удивляться предсказательнице.

– Вы зовете его просто Клинт? – потрясенно спросила Оливия. Трудно было представить, чтобы кто-либо, помимо членов семьи и близких друзей, назвал бы вдруг ее отца Оскаром.

– Ну-ну, дорогая, забудь эти ваши английские штучки. Здесь все зовут его Клинтом. Его тут любят, это же самый лучший парень на земле. Я, кстати, Бесси Мэлгил, тут все меня знают, я рисую.

– Рисуете? Картины? – Оливия посмотрела на женщину с возросшим интересом.

– Да, дорогая, но не те, о которых ты подумала. Тут речь идет об умении видеть и воспроизводить задумки природы. А тебя как зовут? Ты, видно, из титулованных особ?

– Нет, титулов не имеем. Просто Оливия Бэлфор. – Девушка протянула собеседнице руку.

– Рада познакомиться, Ливви. А теперь давай-ка снимем с тебя этот пиджачок. А то тебя скоро тепловой удар хватит. Так, говоришь, Клинт должен подойти?

– Очень на это надеюсь. – Оливия с трудом поднялась, и Бесси стянула с нее жакет и аккуратно повесила его на спинку скамьи.

– Раз сказал, что придет, значит, придет, – весомо заявила предсказательница. – И разрази меня гром, если это не он. – Лицо ее просияло. – Похоже, был с инспекцией в своих уголках. Все, Ливви, не волнуйся, вон он.

Оливия поднялась. Впервые в жизни она чувствовала себя так неуверенно. Озираясь по сторонам в поисках встречающего, девушка услышала восторженные возгласы и даже аплодисменты в толпе посетителей аэропорта.

– Да вот же он! – Бесси указала направление, помогая подопечной.

Проследив за ее рукой, Оливия увидела, что к ним приближается гигантского роста и совершенно дикого вида мужчина. Он словно попал к ним из какого-нибудь приключенческого фильма про джунгли Амазонки или Аравийскую пустыню. Рубашка и брюки цвета хаки, тяжелая серебряная пряжка на кожаном ремне, обхватившем стройный торс, высокие ковбойские ботинки, лихо заломленная широкополая шляпа. О боже, а волосы! Золотисто-каштановые, но такой длины, что можно в хвост собирать! Загорелое лицо густо покрывала щетина, которую через пару дней можно смело будет называть бородой. Да-а, приезжая по делам в Лондон, да и на свадьбе, где они познакомились, Клинт Мак-Элпайн выглядел совершенно иначе. Узнаваемы были только глаза – все тот же сверкающий взгляд опасного хищника. Хищника, которого невозможно приручить.

Вид работодателя привел Оливию в полный ступор. Какой опасный человек! С такими ей никогда не приходилось иметь дела. И надо же было такому случиться, что теперь Оливия находилась в полной его власти.

Она почувствовала, как краска заливает лицо и шею, и сделала единственное, что могла в сложившихся обстоятельствах, – упала в обморок.

* * *

Клинт Мак-Элпайн многое испытал на своем насыщенном событиями веку, но ни разу еще за тридцать восемь лет женщина не падала к его ногам столь буквально. Женщина, надо сказать, была хороша – высокая, элегантная, с аристократическими чертами лица. Оливия Бэлфор, Снежная королева.

– Ах, бедная крошечка, – захохла Бесси, когда Клинт подхватил стройную – и даже, пожалуй, чересчур стройную – англичанку и уложил на скамейку, где дамы только что сидели.

– Ничего себе крошечка. Да в ней добрых метр семьдесят без каблучков, – сухо откликнулся мужчина.

– Ну и что, она какая-то такая язвимая, согласись!

– Не язвимая, а уязвимая, Бесси, – автоматически поправил Мак-Элпайн, про себя соглашаясь и с тем и с другим.

– Да ладно, я всегда говорю «язвимая». Чего ты меня раньше не поправлял?

– Раньше я этого от тебя не слышал, но ты все равно права.

– Кнешна, я права. И знала ведь, так и будет. Слишком много одежды, я сразу заметила. – Бесси нагнулась, снимая с Оливии кожаные туфли на высоком каблучке.

– Трудно было не заметить, – пробормотал мужчина.

Он вспомнил, как посоветовал всесильной и могущественной мисс Оливии Бэлфор спуститься со своего пьедестала или еще что-то в этом роде. Чем-то она его зацепила, и не было желания сдерживаться. Себя он оправдывал лишь тем, что был тогда на грани развода.

– Ей у нас слишком жарко, – продолжала Бесси, – и как она собирается тут жить, босс, я вот не представляю.

– Увидишь, как всегда, в своих видениях, – усмехнулся Клинт, – мы же оба знаем, лилиям тут хорошо. – Он смотрел на белое лицо англичанки.

Длинные ресницы затрепетали. Это был хороший знак. Мак-Элпайн расстегнул пару пуговиц на блузке, которая была застегнута практически под горло, несмотря на сорокаградусную жару. Что же она совсем без головы на плечах? Он расстегнул и пуговицу на невероятно узкой юбке.

– Ну-ка, Бесси, организуй холодной воды, быстренько!

– Я мигом, босс!

Как только Бесси убежала, к скамейке поспешила симпатичная черноволосая служащая аэропорта с бутылкой воды в руке. Она явно поджидала удобный момент, чтобы подойти.

– Как она? – спросила служащая, обратившись к Мак-Элпайну.

– Уже приходит в себя, – ответил тот, не глядя на восторженную поклонницу, и нахмурился, проверяя пульс у своей подопечной. – Спасибо за воду.

– Не за что, мистер Мак-Элпайн... – Густо покрашенные ресницы взлетели и опустились, рука дрогнула от мимолетного прикосновения к его руке. – Может, позвать врача?

– Нет, не думаю. – Клинт мягко похлопал Оливию по щекам. – Она просто устала после долгого перелета и перегрелась. Достаточно будет холодной воды. Благодарю вас. – Тон и улыбка словно говорили «Я вас больше не задерживаю», и служащей ничего не оставалось, как вернуться к своим скучным повседневным обязанностям.

Оливия открыла глаза, отчаянно пытаясь сообразить, где находится. Похоже, она умерла и попала в ад. И чем она заслужила такую муку? Оливия вцепилась в чью-то рубашку... и мгновенно все вспомнила, глядя прямо в кошачьи глаза Мак-Элпайна. Пальцы, обвившие его руку, как виноградная лоза опору, мгновенно расцепились.

– О господи, я что, сознание потеряла?

– О господи – да, мисс Бэлфор. – Миллиардер поднялся во весь свой огромный рост. – Послушайте, сейчас мы с Бесси вас посадим, вы обопретесь о меня и попьете.

– Бесси здесь? – Оливия была бесконечно благодарна, что новая знакомая не бросила ее.

– Здесь, здесь, дорогая, не волнуйся! – Ясновидящая наклонилась поближе, протягивая англичанке воду. Она явно решила взять под крыло эту хрупкую, будто с другой планеты красавицу с невероятными голубыми глазами и фарфорово-белой кожей.

– Со мной все нормально, правда, – запротестовала Оливия, хотя чувствовала себя в тот момент как невыжатая половая тряпка – такой же мокрой и несвежей.

– Нет, неправда, – грозно откликнулся Мак-Элпайн, усаживаясь на скамью и притягивая иностранку к себе.

Оливия тут же обессиленно склонила голову ему на плечо. Мужчина отметил про себя, что от нее исходит нежный аромат роз.

– Ей повезло, что я ее учуяла, – квохтала над девушкой Бесси, – хотя не я одна. Трудно было ее не заметить: такая красивая и стояла такая растерянная и несчастная, как бандикут, потерявший свою норку.

«Бандикут? – Оливии казалось, она сходит с ума. – Это что, какой-то местный эвфемизм для обозначения опасных для общества безнадежно больных?»

Она чувствовала жар, исходящий от сильного тела Мак-Элпайна. И особый мужской, необычайно волнующий, какой-то сексуальный запах. Она даже на мгновение попыталась представить, каково бы было опираться на обнаженное тело этого мужчины. Однако уже в следующую секунду она одернула себя: «Похоже, я потихоньку теряю рассудок. Я точно бандикут!»

Следя за лицом англичанки, на котором растерянность уже переходила в панику, австралиец счел нужным пояснить:

– Бандикут – это такой местный сумчатый зверек. Да вы расслабьтесь, все будет хорошо. Вам просто нужно немного остыть.

Бесси поднесла к губам Оливии бутылку с водой, и та подумала, что никогда в жизни не пила ничего вкуснее.

– Пейте понемногу, а не большими глотками, – предостерег Мак-Элпайн.

– Слушайте, я ведь все-таки не... – Оливия попыталась возмутиться, но мужчина нетерпеливо прервал ее и повторил:

– Понемногу!

Чувствуя себя маленькой девочкой, Оливия допила воду и наконец села прямо. Несмотря на выбившуюся прядь золотистых волос, помятую блузку и расстегнутую пуговицу на юбке, она все равно умудрялась выглядеть элегантно.

– Как вы? – поинтересовался Мак-Элпайн.

– Как в зоопарке: на меня все смотрят, – беспокоило ответила Оливия. – Наверняка по аэропорту уже поползли сплетни: англичанка грохнулась в обморок!

– Почему вы уверены, что смотрят именно на вас, а не на меня? – усмехнулся австралиец, разглядывая гостью. Еще одна прядь волос выбилась из прически. Когда им доводилось встречаться, волосы Оливии всегда были тщательно зачесаны и убраны в тугой узел на затылке. А одежда! Она будто закована в оковы. Тяжелый случай.

– Так неудобно – потерять сознание, – смущенно пробормотала англичанка.

– Да не смешите меня, неудобно по потолку ходить, – откликнулся Мак-Элпайн, с удовольствием отмечая про себя, что на безупречно гладком личике чувствительной особы стал проступать румянец.

Известие о том, что Оскар Бэлфор решил отослать старшую дочь в Австралию к нему, повергло Мак-Элпайна в шок, хотя шокировать его вообще-то было непросто. Разумеется, он слышал о разразившемся скандале – у него хватало в Англии родственников и знакомых, охочих до слухов и сплетен. Однако Клинт с трудом мог представить, чтобы Оливия сцепилась со своей сестрой-«дикаркой», как иногда называли свободолюбивую Беллу. Оливия – Снежная королева, холодная и неприступная. Неужели самообладание на этот раз подвело ее? Почти ничего не зная о будущей сотруднице, Мак-Элпайн тем не менее был уверен, что она очень сильно переживает случившееся.

А еще он был уверен, что сейчас ей просто необходимо как следует выспаться. Он был в курсе, что по пути англичанка останавливалась в Сингапуре. Тем не менее везти ее прямо сейчас на ферму было бы неразумно, и Клинт решил устроить гостью на ночь в городе – либо в принадлежащих ему апартаментах с видом на гавань, либо в отеле, который располагался поблизости.

Судя по внешнему виду, мисс Бэлфор не годилась для различного рода домашней работы. Она, вероятно, даже не в курсе, что такое кухня. И уж тем более к животноводческим делам ее не было никакого смысла привлекать. Однако она выглядела весьма неглупой. И Клинт слышал, что на родине она вела благотворительную работу, открывала дома престарелых и так далее. Мак-Элпайну приходилось вести активную общественную жизнь, и в этом отношении Оливия могла бы оказаться весьма полезной, организуя различные мероприятия.

Правда, для начала ей придется отказаться от своих аристократических замашек и высокомерия. Помнится, тогда на свадьбе родственника он заявил Оливии прямо в лицо, что в вопросах снобизма она достигла высшей степени мастерства. После такого рассчитывать на симпатию с ее стороны не приходилось. Что ж, похоже, антипатия их взаимна.

Однако вот она здесь, присланная Оскаром Бэлфором. А с Оскаром Бэлфором полезно поддерживать дружеские отношения. Во-первых, его очень ценил покойный отец. Оскар обладал внешностью римского патриция и небывалым шармом и умением расположить к себе. Во-вторых, Бэлфор баснословно богат и держит серьезный пакет акций «Мак-Элпайн пэсторел».

А значит, придется им с мисс Бэлфор извлечь максимум из сложившейся ситуации. Если они, конечно, не перегрызутся в процессе.

Глава 2

Везде, где бы они ни появлялись, Мак-Элпайна приветствовали со смесью обожания, уважения и дружеского участия. Ему махали, улыбались. Да он, похоже, тут настоящий любимец публики!

Утром миллиардер появился со сбритой щетиной и слегка подстриженными волосами. Нормально постричься он, судя по всему, не собирался. Однако дикарский вид никуда не делся – облик брутального парня, который заставляет женское сердце биться быстрее. Господи, ну почему он не мог оказаться серой посредственностью? Каким-нибудь старикашкой... лет пятидесяти. Мак-Элпайн в роли начальника – это худшее, что Оливия могла себе вообразить. У них не просто нет ничего общего. Они друг друга вообще на дух не переносят! В присутствии короля австралийских фермеров Оливия сразу занимала оборонительную позицию, готовая каждую секунду броситься в бой. Однако военные действия с боссом – не лучшее занятие, особенно если учесть, что Мак-Элпайн наверняка будет докладывать отцу, как идут дела.

Радовало одно: сегодня она спала без задних ног и выспалась! Австралиец разбудил ее лишь в девять утра, велел незамедлительно собраться и спуститься к завтраку, после чего они должны были отправиться в путь.

У него даже хватило вежливости поинтересоваться, как она спала.

– Благодарю вас, просто чудесно, – ответила Оливия, откидывая покрывало. И, не удержавшись, саркастически осведомилась: – Надеюсь, я не заставила вас чрезмерно волноваться?

– Ни чрезмерно и никак вообще. Однако теперь вам придется мобилизоваться. Мы позавтракаем, я взял на себя смелость сделать заказ и для вас, и потом мы уедем. Дела не ждут. Но вы справитесь, я уверен, ведь вы же из семьи Бэлфор. Жду вас в фойе.

Всего за двадцать минут, что было почти рекордом, Оливия приняла душ, собралась и оделась. К сожалению, уложить волосы в привычный узел времени не хватило, пришлось просто собрать копну на затылке золотой заколкой.

В фойе толпилось много народу. Однако высокой фигуры Мак-Элпайна видно не было. Она немного попятилась и натолкнулась на кого-то.

– А вот и мисс Бэлфор, полагаю!

– О, прошу прощения... – Она врезалась прямо в Мак-Элпайна. Или он сам это устроил? Оливия почувствовала жар от ладоней, на мгновение опустившихся ей на плечи.

– Не пройти ли нам в ресторан? – учтиво предложил мужчина.

Он смотрел оценивающе, будто она была вазочкой клубники со сливками. Это разозлило Оливию, и она пробурчала:

– Намного умнее было бы там и встретиться.

– Вы что-то сказали? – Мак-Элпайн резко обернулся.

Он был настолько высок, что рядом с ним Оливия впервые в жизни почувствовала себя малявкой. Выслушивать нотации с утра в ее планы не входило, поэтому она поспешила заверить:

– Нет-нет, ничего!

Как опытная путешественница, Оливия еще с вечера приготовила то, что наденет наутро, и только потом позволила себе упасть в объятия уютнейшей гостиничной постели. И сегодня на ней красовался белый топ с овальным вырезом. Белыми были и льняные брюки очень удачного покроя, выгодно подчеркивающего достоинства фигуры. Бежево-белые мокасины и бежевый кожаный ремень с заклепками дополняли костюм.

Миллиардер же был одет не намного изысканнее, чем накануне: черные узкие джинсы и черная обтягивающая футболка с надписью «Я люблю Нью-Йорк», где – бездна вкуса – слово «люблю» было заменено сердечком. Выглядел он невероятно подтянутым, бодрым и сексуаль-

ным. А как двигался! Сглатывая комок в горле, Оливия представила себе, будто идет за огромным диким львом.

Когда расположились за столиком, он почти добродушно обратился к ней:

– Да вы так не волнуйтесь. Уверен, думаете, мы тут все обжоры, и сейчас вам подадут гигантский стейк на кости, сосиски с яичницей, жареные помидоры и горку горячих картофельных оладий.

– О, вы с таким знанием дела говорите. По-видимому, часто балуете себя таким завтраком? – мило произнесла Оливия.

– А вам такой, конечно, и в дурном сне не приснится?

– Ах, мистер Мак-Элпайн, что вы обо мне знаете? – Оливия отвела взгляд от слишком чувственных губ собеседника.

– Да ничего, – признался тот. – Давайте-ка проясним кое-что с самого начала: я так же не хотел принимать вас здесь, мисс Бэлфор, как вы не хотели приезжать. Но деваться нам некуда, мы делаем это для вашего отца. Мне он нужен в совете директоров. А вы, говорят, должны искупить некую вину.

– Искупить вину? А вы знаете, что собирать сплетни неприлично? – Голубые глаза сверкали. – Я здесь не для того, чтобы что-то там искупить!

– Это дела ваши и вашего отца, – резко прервал ее бизнесмен и повернулся к подошедшей молоденькой официантке.

– Доброе утро, мистер Мак-Элпайн!

– Доброе утро, Ким, чем порадуешь сегодня?

– Все как вы заказывали.

– Значит, сюрприза не будет, – светским тоном произнесла Оливия.

Только тут официантка повернулась к ней:

– Надеюсь, вам понравится, мэм.

«Мэм? Боже правый! – Оливия мысленно поморщилась. – Она решила, что я его бездетная тетушка?»

Официантка стала сервировать завтрак: два стакана свежавыжатого сока грейпфрута, четвертинки папайи, яйца и дымящиеся тосты, кофе и чай.

– Приятно снова видеть вас, мистер Мак-Элпайн, – улыбнулась официантка и удалилась.

– Очередная поклонница? – поинтересовалась Оливия.

– Вас это задевает, мисс Бэлфор? – Мужчина поднял стакан с соком. – Как завтрак, вас устраивает?

– Да, благодарю вас, – решила проявить великодушие Оливия.

– Ну так ешьте скорее, нам пора выезжать. – Лицо его мгновенно стало сосредоточенным.

Теперь перед ней сидел жесткий олигарх. Да, послав дочь сюда, Оскар Бэлфор все равно что бросил ее в открытом море, чтобы посмотреть, как она выплывет. Но ведь Оливия всегда была хорошей пловчихой. Она приехала в Австралию с твердым намерением выполнить задание отца и вернуть себе тем самым самоуважение и уверенность в своих силах. Несерьезно было бы отступить, даже не дойдя до линии фронта.

Когда Клинт постучался к ней в комнату, Оливия в задумчивости стояла над своим багажом.

– И всегда вы путешествуете столь налегке? – поинтересовался он, окидывая сверкающим взором внушительную гору дорожных сумок. – При таком количестве вещей, полагаю, шанса увидеть вас хотя бы полуобнаженной не представится?

Оливия, растерявшись, отреагировала примитивно, как оскорбленная недотрога:

– Прошу прощения?

– Это просто шутка, мисс Бэлфор, – досадливо протянул Клинт и добавил, снова измеряя взглядом багаж иностранки: – Хотя, знаете, в трансатлантический вояж и то меньше вещей берут. Вы здесь не дома. Возьмите с собой сейчас только самое нужное, а за остальным я пришлю.

– Как скажете... – Оливия слегка пожалала плечиком. При этом человеку она постоянно чувствовала себя дурочкой. – Но уверяю вас, здесь нет ничего лишнего. – Отвернувшись, она выбрала две сумки и косметичку, битком набитую кремами от солнца.

– Отлично. – Австралиец легко подхватил увесистые сумки и направился на выход. – У меня в городе квартира, сейчас мы едем туда.

– Зачем? – нахмурилась Оливия.

Клинт искоса взглянул на спутницу:

– Здание принадлежит группе компаний «Мак-Элпайн», на крыше там вертолетная площадка. А вы о чем подумали?

– Ээ... – Оливия сделала неопределенный жест рукой, стараясь сдержать раздражение от ремарки австралийца. – Мне доводилось летать на вертолете, у отца остров в Карибском море.

– Замечательно. Значит, можно за вас особенно не беспокоиться. Да, ваш отец – человек состоятельный.

– Считается, что вы тоже не бедствуете.

– Мне уже начинать бояться?

– Не понимаю, о чем вы! – вспыхнула Оливия.

– Считается также, что деньги – сильнейший афродизиак.

– Можете быть спокойны, мистер Мак-Элпайн. – Оливию бросило в жар. – Вы не представляете для меня интереса ни в романтическом, ни в каком-либо ином плане.

– Взаимно, мисс Бэлфор. На мой вкус, вы слишком... скованны.

Отвечать Оливия сочла ниже своего достоинства. Тут подоспел портье, который помог им спуститься и пожелал счастливого пути.

– Боже правый! – не удержалась от восклицания Оливия при виде вертолета.

– Назад пути уже нет, мисс Бэлфор, – откликнулся Мак-Элпайн, мельком взглянув на спутницу.

– Назад никто и не собирается. Моя реакция относится исключительно к вертолету, – пояснила Оливия. – Никогда не видела прежде этой модели.

– Уверен, вы еще много чего не видели и не пробовали.

– Как прикажете вас понимать? – Голос Оливии был холоднее льдов Антарктики.

– Ах, прошу вас, совершенно невинное замечание. А вертолет – это последнее приобретение авиакомпании Мак-Элпайнов. Мы совершаем перевозки между несколькими крупными районами Австралии. Мой дед всегда увлекался авиацией, он и основал эту компанию. В свое время его вдохновил пример авиаперевозчика «Кантас». В 1974 году, когда на нас обрушился самый сильный за всю историю циклон «Трейси» – Дарвин был тогда полностью разрушен, – они перевезли шестьсот семьдесят три человека на одном «боинге». По иронии судьбы дед сам погиб, будучи за штурвалом небольшого частного самолета, хотя налетал сотни часов и в более сложных условиях. – В словах австралийца угадывалась искренняя горечь утраты. Оливия почувствовала, что его рассказ захватил ее.

– Из пассажиров буду только я? – поинтересовалась она, глядя на группу мужчин, поджидающих их у вертолета.

– Вы же сами видите, что нет. Эти трое – мои сотрудники, они летят с нами.

«Еще бы ты сказал, куда именно».

Невозможно описать словами то, что чувствовала Оливия, разглядывая с борта вертолета местность, в которой ей предстояло провести ближайшие пять месяцев. Всюду, насколько хватало глаз, простирались безлюдные, красного цвета земли, куда, похоже, и не собиралась ступать нога человека. Складывалось ощущение, что Оливию везут на Марс!

«Господи, да я ведь загнусь тут через пару дней! – в ужасе думала она. – Нет, надо держать себя в руках. Не раскисать! Выше нос! Главное – сохранять спокойствие. Я Бэлфор, да к тому же еще и Козерог, я справлюсь!»

Ковбойского вида мужчины, которые, похоже, одним ударом способны сразить быка, тихонько переговаривались время от времени с Мак-Элпайном. Оливия сидела в хвосте вертолета и убеждала себя, что не должна показывать миллиардеру, в какую тоску вгоняет ее вид его родных земель. Да, вряд ли здесь пригодятся все те изысканные наряды, которые она везла с собой. Все равно что привезти одно из невероятных вечерних платьев Беллы.

«Ах, Белла, Белла, что мы натворили! Надеюсь, тебе сейчас не так страшно, как мне! Только вот чего именно я боюсь? Неужели Мак-Элпайна?»

Вскоре они приземлились на лужайке перед небольшим белым коттеджем, расположившимся на островке зелени – крохотном оазисе жизни среди бесконечных красных земель. Слышно было, как где-то журчит ручей. «А по берегам, наверное, разлеглись и греют свои охраняемые законом тушки крокодилы... Нет, не может быть, чтобы он поселил меня здесь! Похоже, он просто решил подшутить надо мной!» – размышляла Оливия, разглядывая дом, весь увитый цветущими лозами винограда. На веранде были расставлены и развешаны горшки с какими-то яркими тропическими цветами, источающими дурманяще-сладкие ароматы. При виде цветов Оливия вспомнила шикарные сады и оранжереи в их английском поместье и почувствовала жгучую тоску по дому.

Спустившись в густую ярко-зеленую траву, она слегка покачнулась. Отвлекаясь от спутников, МакЭлпайн с непритворной заботой подхватил ее под руку и спросил:

– Все в порядке?

– Да-да, в полном, спасибо, – глухо отозвалась Оливия, ощущая всю силу его мужской привлекательности.

– Правда? Странно. А мне казалось, вы думаете что-нибудь вроде: «И куда, черт побери, он меня завез?»

– Что ж, вам следует доверять своей интуиции, мистер Мак-Элпайн. Действительно, куда?

– Это место называется Нару-Вотерс.

– Прелестное местечко, – светским тоном ответствовала Оливия и делано улыбнулась.

– Да, мне тоже очень нравится. – Глаза австралийца сияли расплавленным золотом. – Я регулярно здесь бываю, с самого детства. Как вы уже, должно быть, догадались, это одна из наших ферм. Мы приземлились здесь, чтобы высадить Веса и Берни и выгрузить продовольствие. Вес – управляющий фермой, Берни – его помощник.

– А раньше сказать это у вас возможности не было? – с наигранной учтивостью поинтересовалась Оливия.

– Я сообщаю информацию по мере необходимости, мисс Бэлфор.

– А я думаю, вы просто меня испытывали.

– И должен признать, вы прошли испытание, к моему большому удивлению, – рассмеялся мужчина. – Вот что, мне нужно поговорить с Весом, а вы пройдите в дом. Хизер, жена Веса, угостит вас чашечкой чая, а я скоро приду.

– И кем мне представиться?

– Давайте скажем, что вы друг семьи, – ответил австралиец и зашагал прочь.

Когда англичанка подошла к дому, на веранду торопливо вышла невысокая рыжая кудрявая женщина в зеленой майке и кремовых шортах до колен.

– Вы, наверное, Оливия? – приветливо помахала она. – Проходите, пожалуйста.

В ее устах это было не просто формальное приветствие, чем обычно грешила Оливия, выступая в качестве хозяйки на приемах отца. От слов женщины веяло искренним теплом и гостеприимством.

– Я только что испекла кекс с изюмом. Давайте-ка выпьем чаю.

Женщины расположились в маленькой уютной гостиной. Кекс, посыпанный лесными орехами, был великолепен. И чай как раз той крепости, как нравилось Оливии. Вкусное угощение и расположение со стороны хозяйки помогли ей несколько успокоиться.

– Вы к нам, наверное, в отпуск приехали? – Хизер смотрела на Оливию с восхищением, будто бы та была прекрасной принцессой из сказки.

– Я здесь по делам – буду помогать мистеру Мак-Элпайну. У моего отца пакет акций «Мак-Элпайн пэсторел», хочу узнать побольше о работе компании и помочь всем, чем только смогу.

Хизер просияла, лицо ее расплылось в торжествующей улыбке.

– Вы отлично подходите на роль хозяйки приема, который Клинт традиционно дает в честь завершения года. Думаю, он планирует вас задействовать именно в этом амплуа. А вы знакомы с Мэригол – его бывшей женой?

– Нет, мы не настолько близки с семьей Мак-Элпайн. Виделись всего пару раз на приемах в Лондоне и на свадьбе в Шотландии. Но его бывшей жены там не было.

– Они развелись где-то года два назад, – сказала Хизер, подливая в кружки чай. – Но должна вам сказать, она до сих пор время от времени навещается в Кала-Кури, где вы остановитесь. И без всякого предупреждения! Раз вы с ней еще не сталкивались, думаю, вам полезно будет это знать. Мэригол – жуткая собственница, и после развода это еще больше бросается в глаза. Мы все думаем, она хочет вернуть Клинта.

– Да что вы? – Собирать сплетни было не в правилах Оливии, однако она решила на этот раз поддержать тему. Тем более что других источников информации, возможно, и не предвидится. Не Мак-Элпайна же расспрашивать. – А почему они вообще расстались?

– Мэригол все представила так, будто бы она устала от того, что никогда не видит Клинта. Хотя прекрасно знала, какая у него работа, сколько забот и вопросов нужно решать. Но я-то думаю, дело совсем в другом. Вы знаете, что у них есть дочь – Джорджина? – Оливия кивнула, и хозяйка дома продолжила: – До развода это была очень славная девочка, а тут эти события, да еще и переходный возраст. Когда у Мэригол появился новый ухажер-банкир, она совсем забросила дочку. Так вот, в прошлом году, когда Клинт давал традиционный прием, роль хозяйки выполняла его тетя. Сейчас она очень сдала, трудно пережила гибель брата, то есть отца Клинта... Черт побери, а вот и Клинт! – Хизер резко повернулась на стуле. – Дорогая, пожалуйста, ему ни слова, о чем мы тут с вами болтали.

– Конечно нет, что вы! Буду молчать как рыба.

– Вообще-то я не такая уж сплетница, особенно когда речь идет о семье босса. Но я вижу, что вы совершенно не осведомлены. А ведь недаром говорят: предупрежден – значит вооружен. Уверена на все сто, как только Мэригол прослышит, что вы поселились в Кала-Кури, тут же налетит, как стервятник.

К счастью или нет, Оливия всегда отличалась богатым воображением. И оно тут же услужливо подбросило хозяйке яркую картинку: жуткий стервятник, примериваясь, кружит над ее безжизненным телом.

Глава 3

Оливия разглядывала бирюзовые зеркала озер и серебряную струнку реки, извивающейся среди горных хребтов и гребней песчаных дюн, проплывавших под ними. «Должно быть, крокодилы лагуны, – поживаясь, подумала она, – такие уродливые доисторические монстры, а живут в такой красоте!»

Усадьба Кала-Кури раскинулась на фоне отвесной скалы, склоны которой переливались всеми оттенками охры – от кремового и желтого до розового, красного и черно-коричневого. Оливия ожидала увидеть что-нибудь в колониальном стиле с непременно верандами, но то, что предстало ее взору, удивляло и поражало воображение. В полной гармонии с раскинувшимися повсюду песками поместье было выстроено в марокканском стиле и даже с воздуха казалось огромным.

Мак-Элпайн посадил вертолет рядом с просторным ангаром, способным, судя по виду, вместить целый парк аэробусов. Прибывших уже поджидал высокий бородатый мужчина. Он стоял, облокотившись на бампер полноприводного вездехода с сине-золотой эмблемой фермы на дверце. Такую же эмблему Оливия уже видела с вертолета на крышах построек поместья.

Мужчины поздоровались, и Мак-Элпайн познакомил Оливию с бородачом. Это оказался Норм Кэртрайт – управляющий поместьем. Со своими помощниками он занимался всем, что касалось пастбищ и фермы, а его жена Кэт руководила работами по дому. Норм сразу понравился Оливии, и она предположила, что с Кэт у них тоже сложатся хорошие отношения. До сих пор все встретившиеся ей австралийцы оказывались людьми очень приятными и дружелюбными. Правда, предстояло еще познакомиться с жуткой Мэригол, бывшей женой Мак-Элпайна. Оливии уже доводилось сталкиваться с подобными высокомерными дамочками. Досадно было вспоминать, что Мак-Элпайн в свое время и ее саму назвал Снежной королевой, хотя Оливия вовсе таковой не была, а просто очень хорошо играла роль.

Вскоре Норм домчал своих пассажиров к усадьбе, окруженной четырехметровой светло-желтой стеной, сплошь увитой виноградом и гроздьями розово-рыжей бугенвиллеи. Массивные кованые ворота открылись, и путники очутились в настоящем раю, напоминающем прекрасные восточные сказки.

Оливия выросла в окружении роскоши, но умела понимать и ценить красоту. То, что предстало ее взору, поражало и восхищало. Усадьба ничуть не напоминала привычную европейскую застройку, она была оформлена в восточном духе. Перед домом красовался прекрасный фонтан – вода стекала по нескольким каменным чашам в длинный вытянутый бассейн, в котором красовались кувшинки. По всей площади внутреннего дворика протянулись каналы, в которых также журчала вода. Дом в типичном марокканском стиле был выкрашен в более темный, чем стены усадьбы, цвет. На внешней стороне были арки, а к центральной входной двери нужно было пройти через классический двухуровневый портик. Тут и там высились стройные финиковые пальмы. Форма их раскинувшихся листьев перекликалась со струями фонтана.

– Смею надеяться, вас все устраивает, мисс Бэлфор? – вкрадчиво произнес Мак-Элпайн.

– Место просто волшебное! – искренне откликнулась Оливия.

– Невероятно приятно слышать подобное из ваших уст. От вас ведь нелегко дожидаться похвалы, – сухо отозвался мужчина. – Когда мы приземлились в Нару, вы бросали на меня такие взгляды, что я уже подумывал, а не отдать ли вас крокодилам.

– Какая ерунда... – Неужели он все-таки заметил, в каком смятении она была?

– На вашем месте я бы не зарекался. У нас тут крокодилы-то водятся. Как пообвыкнетесь, я вам обязательно покажу. А теперь не пройти ли нам в дом? Вам должно быть жарко тут на солнце.

– Удивительно, но я, кажется, привыкаю к местному солнцу. Кроме того, фонтан и эти ручьи вокруг создают иллюзию свежести и прохлады. Какая находка! И как все удивительно точно и тонко решено! Этот марокканский стиль! Все просто восхитительно, не терпится взглянуть, что же внутри!

– Я просто счастлив, мисс Бэлфор! Позвольте же проводить вас в дом.

От его смеющегося взгляда Оливию бросило в дрожь.

– Пожалуйста, оставьте этот покровительственный тон.

– Ну что вы, и в мыслях не было. С вами мне все равно не тягаться. Я лишь хочу помочь вам освоиться, почувствовать себя австралийкой.

– Боюсь, на это бы потребовалось больше чем пять месяцев, – холодно заметила Оливия.

– Боже правый, я все время забываю, что счастье лицезреть вас у нас продлится столь недолго. – Соблазнительный и сексуальный рот скривился в усмешке. – Такая досада, право слово. Знаете, возможно, вы и оскандалились на родине, но, похоже, приходите в себя. Настроение у вас вполне боевое.

– Послушайте, вы постоянно меня подкальваете – каждый раз, как мы встречаемся.

– О, так вам запомнились наши встречи!

От его улыбки сердце Оливии забилося быстрее. Призвав на помощь все свое самообладание, она холодно ответила:

– Я только не поняла тогда, вы ненавидите женщин в принципе или я одна удостоена такой чести.

– Главным образом мою бывшую жену, – резко ответил Мак-Элпайн. – Когда мы с вами виделись в прошлый раз, она весьма омрачала мое существование. Но если мои слова расстроили вас хотя бы на мгновение, прошу извинить.

– Некоторые мгновения тянутся вечность. Но вы не беспокойтесь. – Оливия махнула рукой, ощущая, как неведомый ей доселе жар разливается по телу.

– Так вы не из тех, кто спокойно воспринимает критику?

– Критику? Просто критикой ваши замечания не назовешь. – Девушке хотелось поскорее выпить чего-нибудь ледяного, чтобы погасить жар, сжигающий ее изнутри.

– Как это ни странно, несмотря ни на что, вы мне симпатичны, – заявил австралиец и взял гостью за руку, двигаясь с непередаваемой грацией хищника. – И о чем только думал Оскар, отправляя вас ко мне!

– Могу лишь сказать, что отец питает необъяснимую симпатию к самым странным личностям, – язвительно сообщила Оливия.

Мак-Элпайн расхохотался, смех его звучал совершенно искренне.

– Вот значит, каким вы меня видите! Странной личностью!

– Прошу прощения, – спохватилась англичанка. – Но вы все время будто бы провоцируете меня, уж и не знаю, чем я заслужила такое отношение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.